

«Душа верна неведомым пределам...» Экзистенциальность поэзии Ю. Кузнецова

“The Soul is True to Unknown Bounds...” Existence of Poetry of Yu. Kuznetsov

Шапошников В.Н.

Д-р филол. наук, профессор Московского государственного лингвистического
Университета, г. Москва
vladimirshaposhnikoff@yandex.ru

Shaposhnikov V.N.

Doctor of Philology, Professor of Moscow State Linguistic University, Moscow
vladimirshaposhnikoff@yandex.ru

Аннотация

Ю.П. Кузнецов (1941-2003) – крупнейший поэт второй половины XX в. Его стихам свойственна сложная и глубокая образность, символичность образов, обращение к мотивам славянской мифологии и фольклору, к древней истории, философское осмысление мира в сочетании с выразительной и яркой публицистичностью. Рассматривается тема явленности бытия и положительного явления жизни и бытийного прекращения, отсутствия и небытия, раскрываемая в поэзии Ю. Кузнецова. Описываются важнейшие наполняющие это концептуальное поле образы и представления в их характерных составляющих, их особенностях, их взаимосвязи и взаимообусловленности. Определяется необходимая иерархия онтологических представлений, сообщаемая композицией и понятийной структурой поэтических произведений. Отмечаются связи и противопоставления, притяжения и отталкивания рефлектирующей художественной мысли Ю. Кузнецова. Выявляется онтологическое соотношение явлений сущего мира в их созданных образах и отражение сферы небытия, составляющей иную сторону экзистенции, состав, количество, иерархия, содержание символов которых составляет отличительную особенность поэтики Ю. Кузнецова. Устанавливается контекст русской и мировой литературы и культуры в отображении метафизических сфер. Экзистенциальное пространство Ю. Кузнецова в его внутренней организации, очень выразительных, ярких, художественно осмысленных образах глубоко самобытно.

Ключевые слова: текст, поэзия, Ю. Кузнецов, онтология, экзистенциальные образы, художественный анализ.

Abstract

Yu. P. Kuznetsov (1941-2003) is the greatest poet of the second half of the twentieth century. His poems are characterized by complex and deep imagery, symbolism of images, appeal to the motives of Slavic mythology and folklore, to ancient history, philosophical understanding of the world combined with expressive and vivid journalism. The theme of the manifestation of being and the positive phenomenon of life and existential cessation, absence and non-existence, revealed in the poetry of Yu. Kuznetsov, is considered. The most important images and ideas filling this conceptual field are described in their characteristic components, their features, their interconnection and interdependence. The necessary hierarchy of ontological representations, communicated by the composition and conceptual structure of poetic works, is determined. Connections and oppositions, attractions and repulsions of the reflective artistic thought of Yu. Kuznetsov is noted. The ontological relationship between the phenomena of the existing world in their created images and the reflection of the sphere of non-existence, which constitutes the other

side of existence, the composition, quantity, hierarchy, the content of the symbols of which constitutes a distinctive feature of the poetics of Yu. Kuznetsov is revealed. The context of Russian and world literature and culture is established in the reflection of metaphysical spheres. The existential space of Yu. Kuznetsov in its internal organization, very expressive, bright, deeply meaningful images is deeply original.

Keywords: text, poetry, Yu. Kuznetsov, ontology, existential images, philological analyze.

Большой поэт является полным выразителем своей эпохи и глубоким выражением всего мира. Чем крупнее поэтическое художественное дарование, тем более полно оно выражает эпоху и более глубоко отображает и постигает существо мира. Существование есть главное и основное во всем, а экзистенциальные понятия суть фундамент представления мира. Мироздание и мироустройство выражают себя в их зиждательных основах и отображаются в фундаментальных представлениях. Рисуются бытие и образы бытия и жизни, составляющие и определяющие картину онтологии поэзии Ю. Кузнецова. Они являются композиционно несущими и доминирующими, идейно представительными и господствующими в поэтическом мире.

«Душа» - одно из наиболее часто употребляемых в поэзии Ю. Кузнецова слов. Оно стало ведущим образом-символом. Это емкий, разносторонний и многозначный образ. Им может обозначаться внутренний мир человека, цельный и самоценный. *Одинокую душу мою...*, – жалеет и превозносит поэт в ходе жизни. Данным образом обозначается также состав психических переживаний, основа психической жизни человека. Это и внутренний духовный мир человека как его нематериальная основа начало, сопологаемое телу.

То к душе прикоснулась душа,
То звезда зацепилась за землю.

Это выступает и явление после-жизни, или вечной и переходящей к потусторонней жизни. То сова, то *душа* зарыдает, – слышится в природном настороженно наблюдаемом мире.

Душе органически сопутствует то, что находится внутри человека – сердце. Эти важнейшие конститuenty могут разделяться и противопоставляться: *Душа, ты* рванешься на запад, *А сердце* пойдет на восток. Их противоположение соотносительно по самому общему, наиболее существенному для их содержания смысловому признаку. Их противопоставление соотносительно потому, что в данное отношение они вступают как знаки, находящиеся в одной образно-смысловой парадигме и обозначающие логически совместимые понятия.

Душа пространна. Поэтическое око видит ее пространственность и отмечает, как важное качество: *Души рассеянная даль, Судьбы* раздерганные звенья. Анафорическим построением стиха и пространственной метафорой она мощно расширяет поле своей ответственности и структурой высказывания переплетается с главнейшими линиями жизненного определения.

Душа разливается во всемирности. На данном качестве основано то, что происходит в рисуемом мироздании и его преобразовании. Космогонические события отмечаются анафорически последовательно:

И молния в камень вошла.
... И камню открылась душа.

Сердце – это воистину середина, средоточие человеческого естества. Оно не есть только физическое средоточие и физиологический центральный орган. Оно несет глубокие мысли, чувства и стремления: *А в сердце...*, *В сердце жалоба* глухая, И человека ищет человек. Предчувствуется в жизненных исканиях, что на глухом и несолнечном отшибе,

... где ночное живет,

Червь сквозь сердце мое проползет.

Тяжело чувствуется то, что является неминуемым при утрате высокой жизненной сущности.

И червь, что давно в моем сердце скрывался,
Залетному ворону братом назвался.

Он выгрыз мне в сердце дыру с голосами.

Вместе с этой внутренней областью, тело – человеческая явленность естественной жизни. Тело включается в фантазмагорическое состояние. Это состояние разворачивается в помышлении лирического героя. Предполагается движимое состояние после жизни и любви.

После смерти, когда обращаться
Вам уж незачем станет ко мне,
Будет долго вопить и шататься
Мое тело на этой земле.

Душа и сердце несомненно предполагают жизнь, что воплощается в широком и многозначном образе Ю. Кузнецова. Жизнь остается высочайшей ценностью даже в крайних воззрениях и метаниях незаурядного человека.

Он ленив и тяжел на подъем,
Жизнь пройдет, он ее не заметит.
Но такие идут напролом,
Если бабочка душу зацепит.

Это существование возможно при глубоких онтологических критериях, соблюдение которых дается напряжением всех жизненных сил героя.

Когда я не плачу, когда не рыдаю,
Мне кажется, я наяву умираю.

Категорично обозначается жизнь не только и не столько биологическая, сколько духовная. Она является критерием и мерилom существования героя. Он так мыслит даже в экстремальном случае: *Жизнь прошла*, но я еще не умер.

Вообще, живое – это неперменное широко охватывающее состояние и явление существования. Оно усматривается даже после исчерпания жизни.

После смерти, когда...
Будет жалоба, вами живая,
Из-под сердца глубоко блистать.

Жизненное, живущее пребывает и пребудет. Оно являет себя даже на грани и за гранью изжитых дней: *В живом молчанье* смерти и любви.

Рисуются широчайшие образы жизни: мир – вселенная, свет – человеческое общежитие, земля – жизненное пространство. В универсуме выделяется *этот свет* как воспринимаемое, подчеркнутое и отмеченное пространство бытия и его данности.

В бытии мироздания важны: человек – мера и воплощение всех явлений, любовь – необходимое слагаемое и основа жизни, память – необходимость жизнесущего.

Вселенское бытие объемлет свет, являющийся житнетворным излучением. В широком необъятном поле бытия видится магический Пустынник, который причастен светоносному творению. Он совершает конкретные действия и манипуляции, и эти действия детально описываются в их чередовании и противопоставлении их следствий: Когда поднимает руки, Мир *озаряет свет*, Когда опускает руки, *Мира и света нет*.

Во вселенной располагается и светит солнце, являющееся священным служителем всего мира. Оно обуславливает жизнь и радость бытия. Надмирную высь покрывает небо – источник и сопроводитель жизни и ее насущный дар. Прошу у отчизны не хлеба, А воли и *ясного неба*, - взывает герой в своих исканиях. Небо представлено не только на физическом уровне. Отмечается небесное свершение на уровне духа и его трагедия: *Небо* оставило душу мою...

Величие поэта состоит в том, что личную переполненность бытием и духом он переводит в макромасштаб вселенских понятий и чувств и совершает свое стихотворное дело, способное увлечь и зажечь все в мире.

В отличие от всего показанного положительного мира предстает иная метафизическая сфера. Выказываются образы небытия, составляющие иную сторону мира и достраивающие картину онтологии Ю. Кузнецова. Генерирующее внимание к ним

характерно для его поэтического мира. Их ряд, состав, количество, иерархия, содержание составляют отличительную особенность его поэзии. Образы этого рода глубоки, выразительны, нагружены смыслами.

Присутствует смерть и чувство неизбежной смерти. Однако, какой художник проходил мимо этой роковой темы? О конечном рубеже жизни писали многие. У Кузнецова трагическая линия не проводится с прямолинейной поглощающей последовательностью. И это также не легкоумная игра со смертью, чем отмечались и отмечают другие поэты. И не буквалистское, прямое и поверхностное признание горького очевидного факта конечности существования. Ю. Кузнецов – философ, и, наверное, стоик. Он привносит с разных сторон самостоятельный и веский вклад в восприятие и осмысление скорбного объекта.

Часта в стихах смерть как данность, результат и факт. Это особенность поэтического мира Ю. Кузнецова. Внешне это конец, прекращение жизни. Но только внешне. Она отражена в человеческих бытийных представлениях и важнейших проявлениях жизни.

Та звезда, под которой мы страждем любви и хлеба,
Да, звезда, под которой проходит и *смерть*, и *любовь*.

Расщепленное соположение бытия и смерти ведет к желанной, вожденной, но недостижимой цельности мироощущения и вместе с тем к жизненной вере, пристрастию к жизни.

Смерть видится как приходящая не только к индивидуальному человеческому существованию. Она является и распространяется и шире, и выше. Ответственный и органически причастный большому явлению человек осознает: Я видел, как рушилась твердь, Как страна принимала *последнюю смерть*. С глубокой болью отмечается: Ночь перед *скончанием веков*, – трагическая пора общезначимого жизненного окончания, обозреваемой смерти огромной цивилизации. Этот мотив очень силен и долгов, и пронзителен в поэзии Ю. Кузнецова.

Прямо обозначается смертоносный процесс, губительное действие: умрем, умрет, умирала, убилась... В определенных условиях лирического героя мнится мучащее его испытание: Когда я не плачу, когда не рыдаю, Мне кажется, я *наяву умираю*. Умирание означает тяжелое, не желаемое и чуждое отрешение от дорогого жизнеспасающего мира.

Долины не вижу, былины не слышу,
Уже я не голосом родину кличу.

Такое отрешение свойственно герою, но мужественно заявляется со страстью преодоления.

Непосредственно обозначается особо тяжелое действие как крайнее душевное состояние: погибаю... Его создает убивающий, давящий процесс тяжкого горя и муки. Выражается огромное страдание души, не меньшее, а может быть, большее, чем телесная мука ухода из жизни: Я *погиб*, хотя еще не умер; Жизнь прошла, но я *еще не умер*.

Мотив гибели как общественное испытание-действие появляется и сквозит в стихах Ю. Кузнецова. Он проистекает от глубокого обостренного зрения и общественной приверженности и взыскательности героя. От этой же взыскующей устремленности он зрит благостную юдоль. Охватываемое сверхзрением состояние переживается как мистерия. Личность героя и обозреваемые жизненные виды начинают растягиваться на два пространства. С одной стороны, видится обычное и понятное пространство городского пейзажа, но с другой стороны, видятся все когда-то возникавшие желания и мысли, а может быть, даже и те, которые еще не проявились. Возможно, видится и прошлое, и настоящее, и будущее одновременно как длящееся ныне. Мир простирается в две распахнутые световые сферы, и время и его законы существования отсутствуют в этом свете.

Я уже не знаю, сколько лет
Жизнь моя другую вспоминает.
За окном потусторонний свет
Говорит о том, что смерти нет,
Все живут, никто не умирает.

Явственно рисуются предметные явления и антимир смерти. Бездна составляет важнейший деструктивный и крупнейший антижизненный анклав. Мы видим характерный многомерный кузнецовский образ. В нем находится обиталище нежити, противности жизни, средоточие смерти. Бездна представляет собой не позитивистское понятие и геометрическое явление. Она имеет проникающий, пронизывающий характер. Она разверзается неожиданно, опасно и близко. Она оказывается даже совсем близко, переключаясь с негативными феноменами.

Я в дно стакана загляну –
Все ложь, все бездна, все ничто.

Пустота также характерна в гигантской картине онтологии. Пустота концептуализируется в поэтическом мире Ю. Кузнецова. Отмечается пустота прошлого, умершего; царствует неземная пустота, пустота мировая. Поэтому выпадение из жизни представляет собой пропасть, обрывающуюся и бездонную. *На полпути почувяв пропасть* И дорожа последним днем, Прости грядущего жестокость... – замечается в философском восприятии хода времен. Одного рода с названными образами – пустыня, в которой видимо неотъемлемое явление упадка. Она не только экстериорна и враждебна, но и интериорна. Мы видим с рискованной точки обостренного зрения: *Пустыню* разбитого духа, *пустыню* грядущего дня.

Смерть имеет свои атрибуты, которые неизбежны и тягостны. Это влекущаяся и завлакивающая мир тьма. Она враждебна и сильна: И только корона твоя *Сияет так* страшно из *тьмы бытия*. В отношении нее должна выстраиваться определенная позиция. *Тьму* свою отдаю *ради света*, – бесповоротно решает поэт.

Закономерно и необходимо прозрение. Но оно может быть разным. Остро и крайне опасно Прозрение во тьме.

Ага, слепая! Ты прозрела,
Но ты прозрела, как во тьме.
А в этой тьме и солнце низко,
И до небес рукой подать,
И не дурак – Антихрист близко,
Хотя его и не видеть.

Конкретизованным смежным образом антимира является тень. Она подвижна и смутна в фантастическом и гиперболическом образе: *В тени* парящего орла Сова ночная ожила. Она является даже в судьбинном желании и завещании героя: *В тени* от облака мне вырыйте могилу. Тень зловеще деятельна в широком пространстве: *Тень от тучи* Родину нашарила.

Сквозь все зримое и незримое маячит запредельная сфера, *тот свет*. Он заявляется в объектном значении: *на том и этом свете, и на этом свете, и на том*. Но преимущественно рисуется он не сам по себе, не отдельно и самоценно, а в связи с этим, существующим светом, живым миром. В эпически гиперболизированном предмете – сшивающей мир игле преломляется образ мироздания: Я прошивала крест и круг, *И тот и этот свет*.

Эта улавливаемая мыслью связь сфер проявляется в усилившейся иронии, сарказме поэта. Даже в сардоническом высказывании неутешительной мысли к недругу звучит сопутствующее жизненности предположение:

Успокойся! Тот свет – все же свет, а не шиш.
Мы и там поживем.

Постулируется феномен вневещного опыта, и он есть сон. В поэтике Ю. Кузнецова это не просто физиологический процесс, это перерастающее в нежизненность состояние. Неоднократно замечается то или иное бытийное преобразование в этом состоянии.

Бытию предстоит и за ним мерцает грядущее. Оно есть временной мир. Собою оно означает прозреваемый уход из жизни, умирание. Грядущее отображается как объективная необходимость. Оно антитетически осмысливается как исчезновение существующего.

В размышлении о сущем и существенном заявляется вечное. Высказываются тревожные мысли о нем. Вечное взыскуется поэтом. Устранение из бытия состоит в том, что: *Вечною нету*, - так сталкивается поэтическая мысль с положением вещей.

Гносеологической категорией небытия является забвение. Забвение горько, но оно вероятно. Всем ходом мысли и чувства забвение отрицается. Поэтическим мировидением оно ставится под сомнение. При этом в поэтическом мировидении сквозит надежда на обратное, на памятность жизни.

Нередко замечается определительное и отделительное качество: мертвый. Это очевидное безжизненное состояние-атрибут. *Мертвым* светом, *мертвый* блеск... – признак отстоящих от мира явлений. То есть этот признак нежизненный. Встречается воплощенное враждебное качество, играющее большую и опасную для мира роль: *мертвая* змея, окольцовывающая загадочный миродержащий посох и затем смертельно сжимающая землю. Оно противоположно живому и жизни. В рисуемой космогонии мертвое оживает. Это оживающее мертвое является мировым злом.

С очевидным вниманием к этому, обратному мировой жизни, поэзия Ю. Кузнецова – это не известная загробная лирика. Его поэтический мир не относится к разряду известного в полемике Серебряного века «Смертяшкина» или загробных плясовых произведений А. Апухтина. Поэтический мир и гносеологический интерес Ю. Кузнецова гораздо шире заупокойной сосредоточенности.

Фигурирует в большом поэтическом мире загробная индивидуальность, мертвец. Это персонификация небытия. Его данность естественна, натуральна – увы, покоящиеся под землей кости. Однако также вырисовывается движение, голос, мысль.

Когда склонился этот день к закату,

Зашевелились кости мертвеца:

Меня убила родина за правду...

Названный субъект, сделанный волей судьбы мертвецом, страдает, страждет и мыслит. *Cogitit ergo est*. Он привержен жизни. Он оберегает и трагически хранит большую жизнь, из которой был жестоко устранен.

В расстилающемся неизвестном пространстве находится Великий мертвец. Загадочный, могучий, суровый. Он способен оживать и в исторически нужное время воскресает. Он оказывается способным действовать. Богатырской рукой он творит героическое действие ради жизни, защищает жизнь, спасает землю. После он снова обращается в смерть, фантастически «отпустив свою душу на волю», по-видимому, до определенного необходимого миру срока. Так завершается магический сюжет произведения, создавая кольцевую композицию.

Он идет по широкому полю.

Только посох дрожит за спиной,

Окольцованный мертвой змеей.

Возникает со временем ирония загробной онтологии. Она проявляется как личная выстраданная ирония поэта. Она ернически является как предметная бытовая картина.

... Как вольный скиталец,

Выползает мертвец в простыне:

- Извиняюсь, мы где-то встречались?

Видим на отвратной окраине мироздания Ад. Его отображения поздно возникают в поэзии Ю. Кузнецова. В этом огромном, предметно распространенном образе возможны реминисцентные компоненты.

Ад как антибытийная институция многоявлен. Вот написанный в 1993 г. «Ад над нами». Он видится во сне вместе с людьми сна. Образ выражается назывными номинативными предложениями, как на фотографии запечатлевшими картину: Это *родина*

мук. Корчи памяти, пекло и слякоть. Он социально явлен и злодействен: По своим из тяжелых орудий Бют свои... Вместе с тем и потому он зрим, выражаясь способом от противного оптической метафорой: *Тени ада* польщут в Кремле.

Впоследствии ад отображается в онтологии христианской традиции. Его образ весьма развернут и подробен, представляя собой описание наблюдения и переживания загробного существования. Создано описание – поэма «Сошествие в ад» - с большой страстью и нравственным пристрастием.

В ироническом дискурсе свидетельствуется адово действо, которое дается в социальном и этическом измерении.

Ударил снизу смрад глубинный
И дым от адского огня.
То сатана с брезгливой миной
Сжигал доносы на меня.

В обозреваемой картине мира назревает и мыслится планетарная гибель, которая выписывается весьма предметно.

Планета взорвана. От ужаса
Мы разлетаемся во мрак.

В планетарной гибели являются отвлеченные образы небытия. В ней выдвигается персонификация отвлеченности, могущественный Великий Ноль, все явления мира зажавший и держащий в кулаке, как предсказательный образ актуального типа. Также пророческий образ представляет собой Ничто. А именно, Русское ничто.

Все продано, - он бормотал с презреньем, -
Не только моя шляпа и пальто.
Я ухожу. С моим исчезновеньем
Мир рухнет в ад и станет привиденьем.
Вот что такое русское ничто.

В поэтическом видении смерть сплетена с жизнью и ее сильнейшими, важнейшими явлениями. В смертных потерях и исканиях отыскивается и вопрошается звезда, под которой мы страждем, жаждем главного в жизни, любви и насущного хлеба:

Да, звезда, под которой проходит и *смерть и любовь.*

Это противоречивое сплетение образует живое существование: И только бездна воет *В живом молчанье смерти и любви.*

Онтология представляет бытие, начала всего существующего. Онтология поэзии отвечает на вопрос о том, что представляет собой, как создается и существует жизнь. Литература должна идти к жизни и впереди жизни. Нацеленный по складу творческой мысли на экзистенциальность, Ю. Кузнецов – один из главных онтологов русской поэзии. Его творческое движение есть глубокое осмысление смерти и нежити антимира и при этом подлинное осознание природы, сущего мира и жизни, с последовательным признанием прерогатив жизнеспасающего мира.

Поэзия Ю. Кузнецова не во всем очевидна и частью сокровенна. Тайна поэзии Ю. Кузнецова – в особом, одному ему свойственном мировидении. Ему удастся создать особое отображение мира во многих его уровнях и сферах, порой парадоксальное и никогда доселе невиданное. В его стихах есть мощный заряд внутренней энергии мысли и чувства, который несет его верное, точное слово, делая их весьма внушительными и влиятельными.

Литература

1. Альфонсов В.Н. Звуки и краски. М.: Советский писатель, 1984. – 296 с.
2. Альфонсов В.Н. Поэзия Бориса Пастернака. Л.: Художественная литература, 1990. – 280 с.
3. Анкудинов К.В. Кузнецов: очерк творчества. Вологда: ВГПИ, 1992. – 219 с.
4. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. – М.: Художественная литература, 1975. – 506 с.

5. Бондаренко В. Последние поэты империи: очерки литературных судеб. М.: Молодая гвардия, 2005. – 286 с.
6. Гинзбург Л.Я. О лирике. М.-Л.: Советский писатель, 1975. – 320 с.
7. Зайцев В.А. Русская поэзия XX века: 1940-е-1990-е годы. М.: МГУ, 2001. – 237 с.
8. Казначеев С.М. Современные русские поэты. М.: Литературный институт им. Горького, 2008. – 196 с.
9. Касирер Э. Избранное. Опыт о человеке. Пер. с фр. М.: Прогресс, 1998. – 372 с.
10. Косарева Л. «Через дом прошла разрыв-дорога...» (О противоречиях творчества Юрия Кузнецова) // Вопросы литературы. 1982. 2. – С. 49-57.
11. Овчаренко О.А. Ад и рай католический и православный // Юрий Кузнецов и Россия. – М.: Литературный институт им. А.М. Горького, 2011. – С. 223-230.
12. Палиевский П.В. Литература и теория. М.: Советская Россия, 1979. – 288 с.
13. Ретеюм А. «Воздушный замок атомного взрыва», или Готические черты поэзии Юрия Кузнецова // Наш современник. 2010. 2. – 234-239.
14. Саблина Н.П. «Жизнь жительство»: тема смерти и бессмертия у русских поэтов // Проблемы исторической поэтики. 2005. 7. – С. 111-124.
15. Тюленев И. Ветка омелы (О поэме Юрия Кузнецова «Сошествие в ад») // День литературы. 2003. 3. – с. 26-31.
16. Шапошников В.Н. Свое и чужое, родное и чужое в поэтическом мире Ю. Кузнецова // Кузнецовские чтения. 2019-2020. Краснодар: Книга, 2021. – С. 219-227.